

Сяншаньская Красная осень — банкет, о котором мечтают бесчисленные толпы, но лишь избранные счастливицы удостоиваются чести попасть туда. Остальным остается лишь грызть локти от зависти.

Внизу, у подножия горы, Дунфан Хао и несколько других завсегдатаев перекинулись парой слов, обмениваясь многозначительными и сальными улыбками при упоминании Женской обители.

Поболтав немного, они по заведенному порядку поднялись на гору и прошли в банкетный зал. Увидев, что пространство затянуто тонкими слоями прозрачной ткани, они еще не успели задать вопросов, как появилась Юй Лоучунь.

Хозяйка уже приготовилась произнести дежурные приветствия, но Дунфан Хао нетерпеливо перебил ее:

— Госпожа Юй, к чему эти церемонии? Давайте сразу к главному блюду.

— Верно, — подхватили другие гости, поднимая шум.

Юй Лоучунь не стала увильнуть от ответа или спорить. Напротив, на ее губах заиграла странная, недобрая улыбка:

— Раз вы так спешите, что ж, будь по-вашему.

Она хлопнула в ладоши. Дунфан Хао, почувствовавший было неладное, не успел ничего сказать, как зал наполнился звуками флейты — мелодия была нежной и вкрадчивой, словно ветерок, скользящий по лесу, или ручей, огибающий подножие горы. Гости заворуженно смотрели, как из-за полупрозрачной завесы шаг за шагом выходит девушка. Казалось, перед ними явилось божество.

Лицо ее было подобно серебряному диску, кожа — чистейшему нефриту, а черты лица поражали своей изысканной красотой.

Цзян Юйянь, выйдя вперед, встретила взглядами с ошеломленными мужчинами. Она невинно и чисто улыбнулась, подняла руку и произнесла:

— Перенос цветов и замещение деревьев.

Тела Дунфан Хао и его спутников медленно оторвались от земли. Они почувствовали, как их внутренняя энергия стремительно утекает, и лица их исказились от ужаса.

— Что происходит? Юй Лоучунь, что ты задумала?

— Немедленно отпусти нас!

Глядя на перепуганного Дунфан Хао, Цзян Юйянь рассмеялась еще залиvistее:

— Ха-ха-ха, ну что, Дунфан Хао? В память о том, как ты сам привез меня в Женскую обитель, я просто обязана тебя щедро отблагодарить.

Только теперь Дунфан Хао понял, что перед ним та самая Цзян Юйянь, которую он когда-то похитил из постоянного двора.

— Госпожа, помилуйте! Госпожа, пощадите! Это я был слеп и не узнал вас...

Остальные гости, прослышав, что девушка сводит счеты с Дунфан Хао, тут же поспешили откреститься от него.

— Госпожа, великая воительница, мы с Дунфан Хао вовсе не заодно!

— Именно так, вы не перепутайте врага!

Цзян Юйянь лишь поморщилась, словно от собачьего лая, ощущая, как чужая, слабая внутренняя энергия вливается в ее тело.

— Надо же, какие вы сами никчемные, да и мастерство ваше не стоит ломаного гроша.

Она стряхнула рукава и опустила руки. Этот мир боевых искусств оказался разочаровывающим — внутренняя сила местных мастеров была до смешного поверхностной.

Дунфан Хао и остальные, лишившись своей энергии, чувствовали себя совершенно опустошенными. Осознание того, что их внутренние силы иссякли, принесло им нестерпимую боль, и они поникли духом и телом.

Цзян Юйянь только этого и ждала. Она приподняла подбородок Дунфан Хао невидимым усилием и с помощью техники Покорения сердец вывела его на откровенный разговор, выясняя, кто еще из влиятельных лиц связан с Юй Лоучунь.

Когда Дунфан Хао и остальные, глядя перед собой остекленевшими глазами, выложили все, что знали, Цзян Юйянь повернулась к Юй Лоучунь, которая на самом деле была Сыкун Чжайсином.

Сыкун Чжайсин кивнул, сходил наружу, позвал Бихуан и остальных, а затем куда-то исчез.

Цзян Юйянь жестом велела Бихуан и остальным располагаться, как им угодно, и удалилась.

Отомстившие девушки пребывали в растерянности. В Женской обители они мечтали лишь о побеге, но теперь, обретя свободу, они не знали, что делать дальше. Это место было адом, но и внешний мир не обещал им рая. В замешательстве кто-то предложил снова найти Цзян Юйянь.

— Вы спрашиваете, что мне делать дальше? — Цзян Юйянь смотрела на подошедших к ней девушек. Каждая из них смотрела на нее с таким доверием, что этот жар в их глазах почти обжигал ее.

Бихуан и остальные всхлипывали:

— Мы все еще теплим надежду, но если наши родные и друзья узнают, через что нам пришлось пройти, наше положение вряд ли будет лучше, чем здесь.

Цзян Юйянь смотрела на крупные слезы, катившиеся по их щекам, а в голове у нее беспрестанно твердила система, требуя помочь им.

— Хватит ныть, надоели, — оборвала она их плач. — Если хотите, я научу вас боевым искусствам.

— Значит ли это... значит ли это, что вы создадите свою школу?

Глядя на этих жалких, заплаканных девушек, Цзян Юйянь почувствовала раздражение — не столько отвращение, сколько странное узнавание самой себя в прошлом.

— Да.

— И как она будет называться?

— Пусть будет Дворец Ихуа.

<http://bllate.org/book/20711/2071150>